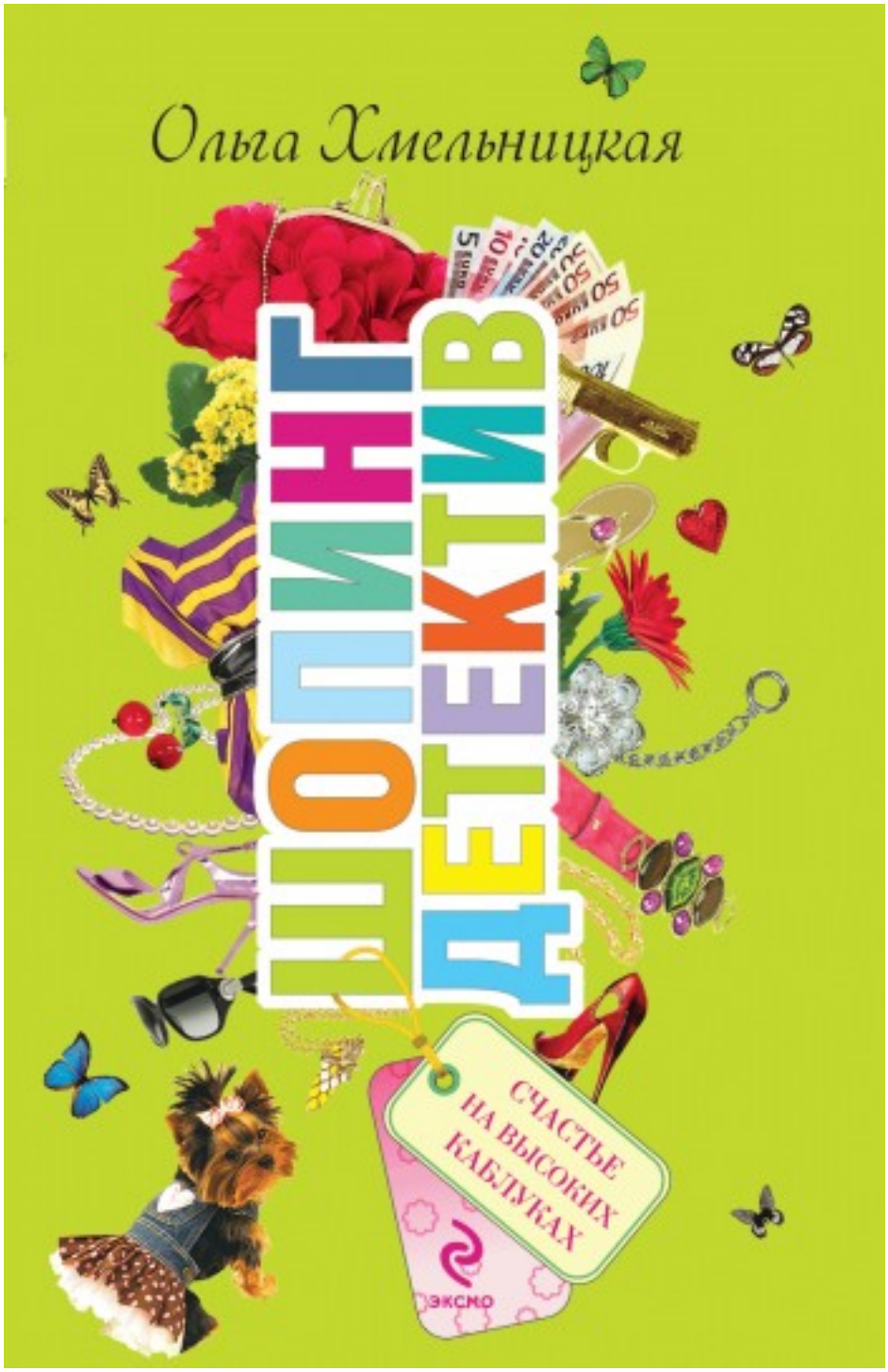

Ольга Хмельницкая
ШОПИНГ ДЕТЕКТИВ
СЧАСТЬЕ НА ВЫСОКИХ КАБЛУКАХ
ЭКСМО

Ольга Андреевна Хмельницкая

Счастье на высоких каблуках

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=183326
Счастье на высоких каблуках: Эксмо; М.:; 2009
ISBN 978-5-699-36359-9

Аннотация

При виде вешалок с одеждой в бутиках Марина теряла волю, а это платье вообще чуть не заставило ее лишиться чувств. На показ новой коллекции известного дизайнера она пойдет именно в нем! Но триумф оказался испорчен: Марина заметила там особу, одетую точно так же. Вместо того чтобы блистать, девушке пришлось забиться в темный уголок. Оттуда она увидела, как незнакомка получила в подарок розу от неизвестного поклонника, укололась и… умерла от яда, которым были пропитаны шипы!..

Жанна не представляла жизни без магазинов дорогой дизайнерской одежды. Денег катастрофически не хватало, но она придумала выход: просила мужа и любовника покупать ей одинаковые платья, а потом одно из них возвращала в магазин. Оно и досталось Марине. Может быть, на самом деле убить хотели ее, а вовсе не Жанну?

Содержание

* * * 4
Конец ознакомительного фрагмента. 30

Ольга Хмельницкая
Счастье на высоких каблуках

* * *

В списке покупок значился всего один пункт. Марине нужна была туалетная бумага и ничего, кроме туалетной бумаги.

– Куплю с сердечками, розовую. Может, тележку не брать?

Марина посмотрела вдаль. Супермаркет казался бесконечным разноцветным муравейником.

Кто-то, проходя мимо, зацепил Марину своей тележкой.

– Извините.

– Ничего.

Марина смотрела на гору проплывающих мимо покупок. На самой вершине кое-как балансировала большая желтая подушка. Марина взяла тележку.

«Да, мне нужна только туалетная бумага, но не понесу же я ее в руках через весь магазин».

Она пошла вперед, чувствуя себя лайнером, выходящим из порта в открытое море в поисках приключений. Макароны? Пожалуй. Как раз заканчиваются. Две пачки с приятным шуршанием упали на решетчатое дно. Пустая тележка сразу же стала выглядеть солиднее. Журнал с Аллой Борисовной на обложке? «Наконец-то! Свадьба Пугачевой и Галкина!» Образчик печатной продукции присоединился к макаронам.

«Туалетная бумага, только туалетная бумага», – напомнила себе Марина и повела носом. Откуда-то слева пахло шоколадом. Она повернула голову. Под электрическим светом переливались горы конфет.

«Только туалетная бумага», – повторила Марина в последний раз и, как сомнамбула, пошла к ряду, от которого доносился аромат марципана и сливочной помадки. Пару минут спустя в ее тележке появились аппетитные пухлые пакеты. Сразу за рядами сладостей стояла стойка с орешками. Арахис, фундук, фисташки.

«Если съесть пакетик арахиса, в котором содержится триптофан, то можно стать счастливее», – подумала Марина, отправляя следом полукилограммовый пакет орехов. Толкать тележку постепенно становилось все труднее. Скакалка со счетчиком прыжков, новая книга Марии Брикер, два банных халата, мягкая овечья шкура, достойная стать прикроватным ковриком, большой ананас, хлеб с отрубями и шпинатом. Управляя нагруженным транспортным средством на колесиках, Марина заехала в отдел, где продаются комнатные растения, и выплыла оттуда с полутораметровым гибискусом. Гибискус качался и шелестел листьями, норовя рухнуть с горы покупок, а также закрывал обзор. Марина ехала по наитию, стараясь не снести полки и встречных покупателей. Настроение у нее было хорошим и все продолжало улучшаться.

Жанна пела. Справа и слева от нее тоже пели. Весь хор старательно выводил рулады. От соседки справа пахло потом. От соседки слева – колбасой. Впереди кто-то слегка фальшивил. Василиса (их отношения с Жанной в последнее время были напряженными) выводила мелодию высоко и чисто, выпрямив спину так, будто была не хористкой, а гордой и неприступной продавщицей винно-водочного отдела в магазине времен СССР. Жанна видела ее красивый, чисто выбритый затылок и копну темных волос над теменем.

Наконец все замолчали.

– О, дайте, дайте мне свободу, я свой позор сумею искупить! – вступил солист.

Его голос напоминал рычание льва в зоопарке. Соседка слева от Жанны зевнула. Соседка справа переступила с ноги на ногу и беззвучно кашлянула. Василиса слегка склонила голову, глядя куда-то вниз, под ноги. Становилось жарко. Кое-где зрители обмахивались веерами.

«Хорошенькие босоножки, – думала Жанна, рассматривая женщину в первом ряду. – Мне такой красный цвет пошел бы. Ремешки интересные, алые, с большой пряжкой и плетением, и платформа подходящей высоты».

Вечером Жанне предстояло свидание. В то же время дома ее ждал муж.

– Что бы придумать, что бы придумать? – принялась соображать Жанна, оторвавшись от созерцания босоножек. – Срочно нужно что-то сочинить.

Ей показалось, будто кто-то смотрит на нее в упор. Это было странно, потому что на сцену смотрели в буквальном смысле все в зале. Но этот взгляд был особым, острым, как нож, который без сопротивления входит в масло, и холодным, как ветер в декабре. Жанна поежилась и обвела взглядом зрителей, только что можно понять, когда на тебя направлены тысячи взглядов?

Только выкатив неподъемную тележку из магазина, Марина поняла, что забыла купить туалетную бумагу. Неподалеку от ее машины на парковке стояла грязная серая «восьмерка», и Марине пришлось обойти ее. Гибискус шумел, ветви гнулись. Добравшись до машины, Марина открыла багажник и принялась перегружать покупки. Влезло все, кроме будущего полутораметрового домашнего питомца и тюбика зубной пасты.

– Так, – сказала Марина.

Тюбик отправился в бардачок. С растением все обстояло сложнее. В багажник дерево не помещалось. Открыв все двери, Марина принялась запихивать гибискус в салон. Горшок расположился между сиденьями, ветви высунулись в окна, ствол вылез вперед и уперся в лобовое стекло.

– Вот и чудненько, – сказала Марина, переводя дух.

Кое-как закрыв багажник, девушка влезла на водительское место, чувствуя себя макакой в джунглях. Ветка гибискуса щекотала ей нос, листья закрывали обзор. Растительность торчала из окон, в багажнике что-то громыхало.

«А ведь мне нужна была только туалетная бумага, – подумала Марина. – Розовая, с сердечками».

Она медленно вырулила с парковки, а потом вдавила ногу в педаль. По мере того как автомобиль набирал скорость, сердце Марины наполнялось плотной упругой радостью. Скорость, ветер, машина, полная покупок и послушная легчайшему повороту руля… Марина ткнула пальцем в кнопку на панели магнитолы. Салон взорвался музыкой, и Марине стало совсем хорошо.

Грязная серая «восьмерка» выползла с парковки и двинулась следом.

– Милый, я задержусь, у коллеги день рождения, – щебетала Жанна в трубку. – Да, лапочка моя. Да, в десять буду. Нет, не напьюсь, что ты!

Свет в раздевалке театра был голубовато-сиреневым, и все лица казались пупырчатыми и бледными, как у вампиров. Услышав голос Жанны, Василиса поморщилась и завила пальцами две темные прядки на висках.

Жанна отключила связь, потерла руки, которые теперь были развязаны, и набрала второй номер.

– Димочка, – промурлыкала она в трубку. – Это я, твоя кошечка.

– В семь, – сухо сказала трубка.

Жанна запрыгала на месте. Василиса вышла. Весь ее облик выражал презрение.

– Поздравляю. Только твой муж совсем не такой дурак, как тебе кажется, – сказала Юля.

У Юли были длинные ногти, на каждом из которых изображен черный квадратик. Большинству людей это не показалось бы красивым. Вот цветочки со стразами – это да. И только самые близкие Юле люди знали, что траурные геометрические фигуры – не просто квадраты, а изображения картины «Черный квадрат» Казимира Малевича. По утрам Юля подрабатывала в салоне маникюршей.

– Я и не думаю, что дурак, – сказала Жанна.

– Не боишься однажды вечером услышать вопрос о молитве на ночь?

– Он не ревнив.

– Ха, – хмыкнула Юля. – Все мужчины – собственники. Боюсь, тебя ожидают неприятные открытия.

Жанна быстро оделась и выскользнула из раздевалки оперного театра, покачивая бедрами и постукивая каблучками.

Полосатая палочка сделала пасс, и Марина притормозила у обочины. В руках у представителя ГИБДД был радар.

– Елки-фиалки, – пробормотала Марина.

– Куда летим? – спросил лейтенант, обозревая обильную зеленую растительность. – И что это у вас за посторонние… постороннее… посторонний в салоне?

– Гибискус, – честно сказала Марина. – Китайская роза. А это у вас фен? Красивенький какой!

– Это не фен, а радар – прибор для определения скорости, – мужчина в форме не смог сдержать улыбки, – вы нарушили скоростной режим. Или вы из-за этой вашей розы приборов не видите?

– А на вид – вылитый фен, – сказала Марина.

– А на вид – и вовсе никакая не роза, – подхватил страж порядка. – Или это потому, что она китайская? Вообще поражаюсь. Как будто в России роз нет. Обязательно надо импортное покупать.

В этот момент Марина вновь ощутила спиной чей-то взгляд. Она быстро обернулась. Мимо промчалась неприметная серая машина. «Восьмерка»? И серая ли? Автомобиль был таким грязным, что цвет распознавался с трудом.

– Ладно, проезжайте, – сказал лейтенант. – И впредь покупайте российское, наше, отечественное, исконное, местечково-русопятое.

Марина быстро вырулила на шоссе и вдавила педаль. Она хотела догнать серую машину, но та как сквозь землю провалилась.

Дима молча ел. На тарелке перед ним лежала паста с морепродуктами. Жанна манерно ковыряла мороженое, оттопырив мизинчик.

– Как дела на работе? – спросила Жанна.

– Нормально.

– Тебе нравится этот ресторан? По-моему, здесь очень уютно. Очень милые свечи, такой тонкий аромат.

– Да.

Дима подцепил осьминога и съел его, мерно работая челюстями.

– Смотри, как здорово они придумали, – продолжала Жанна, – картины с подсветкой с видами Венеции за ставнями. Такое впечатление, что это окна и мы в Италии. Красиво! Я

никогда там не была, но, мне кажется, что там все так и есть: и паста, и пицца, и гондолы с гондольерами.

– Возможно.

Дима был невысок, некрасив, лыс и весил килограммов сто двадцать. Говорил он мало. Лишних движений не делал. Над правой бровью у него виднелся небольшой шрам, условно рассекающий лоб надвое, но Жанна была не в курсе, где и в каких обстоятельствах отметина появилась.

Она вообще ничего о Диме не знала.

Жанна поправила волосы, выкрашенные в медовый цвет.

– Я сегодня видела такие красивые алые босоножки. С плетеным ремешком и пряжкой. На платформе. Они мне так понравились, так понравились, я пела и не могла от них взгляд отвести…

Она выпятила грудь вперед, демонстрируя свои достоинства. Челюсти Димы продолжали мерно двигаться.

Как только Марина припарковалась, филигранно втиснувшись между двумя автомобилями, из подъезда навстречу супруге выскочил Виталик. Аккуратный, подтянутый, в спортивном костюме, с короткой стрижкой и белыми зубами, он выглядел образцовым физкультурником американского образца.

– Конгениально, – сказал Виталик, увидев гибискус.

– Пожалуйста, поставь его на кухне у окна.

Глаза Марины и Виталика на секунду встретились. У нее было узкое лицо с большими светлыми глазищами, светлые пышные волосы, четко разделенные пробором на две половины. Его глаза были темными, как омут. Виталик осторожно вытащил цветок, играя мускулами, и понес к лестнице.

– Не урони, – сказала Марина ему в спину.

Он неспешно повернулся и улыбнулся во весь свой ослепительный рот. Марина вытащила из упаковки шоколадную конфету и сунула ее за щеку. Через несколько минут Виталик вернулся. Он взял в каждую руку по тяжелому пакету, как будто они весили не больше плюшевых мишек. Бицепсы на его руках напряглись. На шее вздулась жилка. Откинув голову, как будто ему совсем не трудно, Виталик понес пакеты в подъезд.

В обувном магазине пахло кожей и свежестью. Сапоги, ботинки, туфли и шлепанцы стояли на стеклянных полках и, казалось, парили в невесомости.

– Какие? – спросил Дима.

– Ой, я пока не знаю! Сейчас подумаю, – сказала Жанна. – Мне бы красные… но я еще не решила!

Она схватила в руки босоножку на высоком каблуке. Кожа шоколадного цвета была усеяна мелкими стразиками. На носке сверкал большой камень. В целом туфелька напоминала новогоднюю елку. На секунду у Жанны мелькнула мысль, что на таких каблуках она будет выше Димы сантиметров на двадцать, но это даже показалось ей пикантным.

– Кхм, – кашлянул Дима.

– Класс, – выдохнула Жанна. – А эти еще лучше.

Она поставила шоколадную босоножку и взяла белую лаковую туфлю с золотистой пряжкой и стальным каблучком.

«Красивые, но каблучок что-то завален, я такие не люблю», – подумала Жанна.

Она взяла с полки серо-розовые, цвета пасмурной зари, босоножки с вырезом в области большого пальца, тканевые, перевитые серебристой кожаной лентой. Следующие были те самые – красные, с плетеным ремешком и пряжкой.

– Прелестные, – сказала Жанна. – Девушка, дайте мне померить эти, эти и вот эти, и еще вон те.

Дима пошел и сел в кресло. Его невысокая фигура и лысина выглядели отчасти комично.

– Почему ты никогда ничего не покупаешь? – часто спрашивала Жанна у Димы.

– Ненавижу шопинг, – отвечал ей Дима.

– У тебя была психологическая травма? – сочувственно тянула Жанна.

– Чего-о? – спрашивал Дима. – Какие другие – да. Психологических не было.

Продавец-консультант принесла Жанне коробки, внутри которых лежали босоножки, перевитые тонкой шуршащей бумагой. У Жанны зазвонил телефон.

– Да, – сказала она в трубку, – да, дорогой! Да, я на дне рождения у коллеги. Да, милый, я тебя тоже люблю.

Если бы она повернула голову, то увидела бы, что ее супруг – высокий мужчина в черном пальто – стоит прямо у магазина и смотрит на жену сквозь очень толстое и очень чистое стекло витрины. Не сводя с Жанны глаз, он отключил связь и положил телефон в карман. Ничего не подозревающая Жанна продолжила любоваться обувью.

Марина вошла домой. Гора пакетов высилась в холле на журнальном столике. Сбросив туфли и джемпер, Марина погрузила руку в пакеты, полные еды и новых восхитительных вещей. Виталик сзади обнял ее за талию.

– Дорогая, я так скучал, – сказал он ей в ухо.

– Я тоже, – ответила она.

Виталик принялся расстегивать на ней блузку.

– Я люблю тебя, – сказал он.

Он и Марина слились в страстном поцелуе.

– Я купила тебе толстовку, портмоне и новые носки, – сказала Марина.

– Особенно за носки спасибо, – прошептал он, содрогаясь от страсти. – Это, конечно, не машина, но я благодарен тебе за все, даже за самые мелкие знаки внимания.

– Не за что, – улыбнулась Марина, снова целуя мужа.

Виталик поднял Марину на руки и понес в спальню.

«А еще говорят, что в браке нет секса и романтики», – подумала Марина, довольно улыбаясь, и крепко вцепилась в его мужественное плечо.

Где-то в глубине ее души на секунду вспыхнула тревога, причину которой она не могла осознать. На мгновение мелькнуло воспоминание о серой «восьмерке». Звериное чутье опасности, дремавшее внутри, послало сигнал, но все смыла нарастающая страсть.

Жанна вышла из магазина с огромным пакетом. И красные босоножки, и шоколадные, и белые туфли – там было все.

– Спасибо, – сказала Жанна, глядя на Диму с обожанием.

Тот ответил ей сдержанным взглядом. Лампы торгового центра отражались в его лысине.

– Я уже не могу дождаться, когда мы окажемся дома, – прошептала Жанна любовнику в ухо.

Он едва заметно улыбнулся.

«Какой сухарь», – подумала Жанна, ощутив раздражение.

Она посмотрела вниз, на пакет с обувью, и негативные эмоции мгновенно улетучились, сменившись сладостным ощущением обладания. Это чувство гнездилось где-то в середине груди, пульсируя, как сверло перфоратора.

– Да, – сказал Дима в трубку, – говорите. Иван Иванович?

Они поднимались на эскалаторе торгового центра, и Жанна ловила завистливые взгляды. Молодая, красивая блондинка с покупками и в сопровождении хоть и невзрачного, но явно богатого господина. Она сияла. Примерно посредине подъема Жанна ощутила укол между лопатками.

На нее опять кто-то смотрел.

Ощущение было точно таким, как давеча, когда она осматривала зрительный зал, стараясь понять, кто же колет ее взглядом. И так же, как и тогда, она обвела взглядом круглое пространство, в центре которого располагались эскалаторы, но никого не обнаружила. Множество людей, цветная, болтливая, разноцветная толпа… В ней так трудно выделить кого-то одного. Жанна опустила голову, чувствуя себя неуютно. Покупки перестали радовать.

Спящий муж Марины был прекрасен. Гордый профиль, мощная шея, широкие плечи, вены на руках – все напоминало Аполлона. Тихое и мятное от жвачки дыхание вырывалось изо рта, полного белых зубов.

Марина тихонько встала, потянулась, вспоминая о недавней вспышке страсти, и на цыпочках пошла в холл, к покупкам. Стараясь не шелестеть упаковкой, она вытащила из пакетов мягкую толстовку, кожаное портмоне, белые спортивные носки, две упаковки макарон – аппетитных крепких спиралек, которые так вкусны, если приготовить их с шампиньонами и сметаной. Следом Марина извлекла журнал Hello, на обложке которого изрядно повзрослевший Максим Галкин держал на руках похудевшую Аллу Борисовну.

«Мы любим друг друга», – прочитала Марина.

Она раскрыла журнал. «Максим и Алла связали себя узами брака и планируют усыновить ребенка».

– Круто, – сказала Марина. – Решительная женщина.

Следом из пакетов появились упаковки конфет, тут же защекотавшие нос восхитительным ароматом. Ммммм… Марина выудила конфетку и сунула ее в рот. Горьковатый шоколад, следом – кисловатый привкус вишни в коньяке: потрясающий вкусовой букет!

– Жизнь удалась, – сказала сама себе Марина, смакуя шоколадку.

Она вспомнила, что не купила туалетную бумагу, нахмурилась, но съела еще одну конфету, после чего отсутствие необходимой в быту вещи стало казаться Марине сущей мелочью, недостойной внимания.

– А вот и орешки.

Пакет арахиса был пухлым и увесистым. Марина почему-то особо любила сырой арахис с сыром и красным виноградным соком. Кусок сыра мааздам – желтого, плотного, с большими круглыми дырочками – лежал в пакете рядом.

– Мечта мышки, – улыбнулась Марина, достав заодно и пакет виноградного сока J7. – А вот зачем я купила вот это?

Девушка выудила скакалку со счетчиком числа прыжков. Встав на ковер, Марина несколько раз подпрыгнула, припоминая, что как раз собиралась начать заниматься физкультурой.

– А ведь когда-то у меня был разряд по биатлону, – вздохнула она, понимая, что красивые мышцы постепенно зарастают жиром. Из худощавой спортсменки Марина медленно, но верно превращалась в пышногрудую белую красотку, будто сошедшую с полотен Ренуара.

На свет появились два банных халата, белых, махровых, в красных и желтых сердечках, и овечья шкура. Шкура была невероятно мягкой и натуральной. У Марины мелькнула идея, что на ней было бы неплохо заниматься с Виталиком сексом, играя в индейцев в вигваме.

В комнате, где спал утомленный любовными утехами муж, зазвонил телефон.

– Да, Максим, нет, сейчас я занят, настрой свой компьютер сам или позвони вечером, – сонно сказал Виталик и снова упал лицом в подушку.

Сунув в рот еще одну конфетку, Марина разгрузила остатки покупок. Хлеб с отрубями и шпинатом отправился в хлебницу, сметана, молоко, кефир и фруктовые йогурты – в холодильник. Последним был большой ананас, который пах свежо и сладко. Плод слегка пружинил. Марина не стала прятать его, оставив на столе.

«От ананасов худеют», – подумала она.

Из комнаты послышались шаги. Голый Виталик возник на пороге спальни, ероша волосы и почесывая мускулистый живот.

– Это было прекрасно, дорогая, – сказал он Марине.

Потом он залез в холодильник, достал пакет молока, распечатал и одним махом выпил все. Молоко Виталик очень любил.

Марина смяла пакеты и бросила их в мусорное ведро. Из одного что-то выпало и осталось лежать на полу.

– Это, наверное, мой список. Надо было купить туалетной бумаги, – сказала Марина.

Но это оказался не список. На белом листе черными буквами было напечатано: «Смерть близка».

– Ха, – сказала Марина, поднимая брови. – Елки-фиалки!

– Что там? – спросил Виталик.

Марина пожала плечами, смяла бумажку и бросила ее в мусорное ведро.

– Не волнуйся, дорогой. Все в порядке, не бери в голову, – сказала она. – Еще один рекламный проспект.

Готовиться к смерти Марина не собиралась.

Жанна зашла в квартиру Димы, на ходу срывая с себя одежду. Пакет она поставила в уголок, чтобы в порыве страсти случайно не повредить новую драгоценную обувь.

– Иди сюда, мой повелитель! – высокопарно сказала Жанна, впиваясь в него поцелуем и тяжело дыша от страсти.

Дима недоверчиво хмыкнул.

– Погоди, я в душ, – сказал он.

«Сухарь, – в который раз подумала Жанна, – ни эмоций, ни страсти, ни красоты, ничего. Только деньги».

Дима пошел в душ, сверкая лысиной. Жанна растянулась на огромном диване и вытянула ноги.

– Богатый мужчина не бывает старым и некрасивым, – сказала она вслух, но не слишком громко.

Тем более что тело у Димы оказалось вполне ничего, подтянутым. Мощный костяк, толстые запястья, короткие, но сильные пальцы. В ванной шумела вода. Муж больше не звонил. Жанна посмотрела на часы. Время еще есть. Да и о чем беспокоиться, если супруг постоянно сидит у компьютера? Если не у компьютера, то в музыкальной студии, если не в студии, то встречается с коллегами-музыкантами, а если не с музыкантами, то сидит в своем кабинете на радио, заваленном железяками, проводами и коробками с дисками.

Игорь – звукорежиссер, и Жанна убеждена, что, кроме мира звуков, его ничего не интересует.

Дверь хлопнула, вошел свежий и мокрый Дима, завернутый в махровое полотенце. Жанне захотелось наконец-то узнать, сколько ему лет, но она была уверена, что тот не скажет.

Марине никак не удавалось найти для гибискуса подходящее место. Он выглядел неожиданно чужеродным, и это казалось странным. Куда бы Марина его ни поставила, цветочек, в который она успела влюбиться, выглядел жалким, как будто хотел убежать назад на родину.

«Может, действительно китайская роза не годится для российской квартиры? – думала Марина, сидя на диване, обнимая горшок и обозревая пространство. – Но кактусы же живут! И хорошо себя чувствуют».

Наконец она пристроила цветочек в ванной комнате – большом помещении с окном, выходящим во двор.

«Смерть близка».

Марина пошла на кухню и вытащила из белоснежного мусорного ведра скомканный лист бумаги. Буквы все заглавные. Точки в конце нет.

– Это мне, – подумала она.

Сначала подозрительная грязная «восьмерка», теперь вот записка. Марина откинулась на кровати.

Кто-то подложил записку в ее тележку в супермаркете. То есть в какой-то момент этот человек стоял совсем близко. Марине внезапно захотелось десять раз отжаться от пола, пробежать с десяток километров, подтянуться на турнике. Сделать все то, что она делала много лет, входя в сборную России по биатлону.

– Адреналин, – подумала она. – Тело чувствует опасность.

«Смерть близка».

Одно Марина знала совершенно точно – все, что люди делают, они делают с какой-то целью.

Жанна вошла в квартиру на цыпочках. Между ног все ныло. В руках она несла пакет с обувью. Жанна надеялась, что муж спит, но тот сидел за компьютером. В квартире пахло чипсами и терьером Тузей, которая вяло замахала хвостом, увидев Жанну. Тузя была собакой Игоря, а не Жанны и четко знала, кто ее хозяин.

– Привет, дорогой, – сказала Жанна, сбрасывая обувь, быстро пряча в шкаф пакет с обновками, проходя в комнату и обнимая Игоря сзади за спину.

– Привет, – кивнул он. – Извини, у меня много работы, сейчас все доделаю. Или ложись спать.

– Да-да, – тут же подхватила Жанна идею, – мы праздновали день рождения коллеги, я устала, пойду спать.

Она чмокнула его. Ей показалось или он вздрогнул, ощутив ее поцелуй? На мгновение Жанне даже показалось, что это был спазм гадливости, но она тут же отогнала эту мысль. Игорь принюхался.

– Обошлись без алкоголя? – спросил он.

Вопрос звучал невинно.

– Да, только чай и тортик, – ответила Жанна, повернулась и пошла в ванную.

Игорь уставился в экран невидящим взглядом.

Витрина ювелирного магазина сияла, и Марина замедлила шаг. На черном бархате лежал золотой лист клевера. Четыре лепестка, зеленая эмаль. Он был прекрасен. Со всех сторон кулон освещал яркий электрический свет, который заставлял золото сверкать и быть похожим на звезду в бездонном космосе. Марина повернулась и зашла в стеклянные двери.

«Да. Да!» – подумала она.

Кулон притягивал взгляд. Марина обошла магазин, но не нашла больше ничего столь же красивого. Именно это тяжелое, массивное украшение с эмалью было достойно занять место на Мариниой груди.

– Хотите примерить? – спросила консультант, завистливо косясь на туфли из последней коллекции Louis Viutton – бежевые, с темно-коричневой паутинкой монограмм.

– Да, – ответила Марина.

Кулон на кожаном шнурке удобно лег в ложбинку между грудей. Он был холодным, но быстро нагревался. Консультант назвала цену. Марина кивнула, глядя на свое отражение в зеркале. Светлые волосы, прямой пробор, зеленые глаза, совершенно колдовские.

– Беру, – сказала Марина.

Она уже поворачивала голову, когда в зеркале мелькнуло чье-то знакомое отражение. Марина резко повернула голову, но за стеклом никого не было.

– Тебе нравится? – спросила Юля.

Жанна посмотрела на свои ногти. Каждый был украшен желтым колобком с улыбающейся рожицей.

– Нравится.

На ногах у нее были красные босоножки. Плетеные ремешки плотно охватывали ступни.

– Как Игорь, ничего не заподозрил? – спросила Юля. – Это очень рискованно. Запах там чужой от тебя, интонации неуверенные. Некоторые люди очень хорошо чувствуют ложь. Даже если до поры до времени этого не показывают. Ты врешь и врешь, а потом привыкаешь и уже не особо стараешься скрыть, расслабляешься… тут-то тебя и ловят на горячем.

– Думаю, ты не права, – сказала Жанна, – напротив, чем больше врешь, тем лучше это делаешь. Регулярная практика способна поднять любое дело, которое ты делаешь, на недосягаемую высоту. Сегодня врешь неуверенно, а завтра уже с изыском, сегодня забываешь стереть сообщение в телефоне, завтра делаешь это автоматически, не задумываясь и не забывая.

– А еще все время боишься, нервничаешь, как бы не попасться, спешишь, отключаешь телефон, а потом говоришь, что он разрядился, прячешь подарки, говоря, что это от мамы. А тем временем нервы истончаются до кондиции папиросной бумаги…

– Ладно, хватит, – махнула рукой Жанна. – Я поняла. Но ты не знаешь моего Игоря. Мне вообще кажется, что он не замечает никого и ничего, кроме себя. Он эгоцентрист. Не следит, не вынюхивает, не прислушивается, не шпионит. У меня вообще складывается впечатление, что ему все равно. Даже обидно иногда. А насчет нервов, как папиросная бумага, – это не обо мне. К счастью.

– Ты его не любишь? Своего Игоря?

– Ой, не знаю, – сказала Жанна. – Все так сложно.

– Жанна, ты как-то слишком легко относишься к серьезным вещам, – сказала Юля. – Как будто совсем не думаешь о будущем. Ну еще одна пара обуви, ну деньги, ну побрякушки какие-то… А в глобальном масштабе? Ты бы лучше в декрет ушла, ребенка родила или сосредоточилась на карьере. А то мечешься, как стрекоза, которая лето красное пропела, – бессмысленно и беспощадно.

Жанна пожала плечами. Разговор ей не нравился.

– У тебя прекрасный муж, – сказала Юля после паузы. – Возможно, он все видит и понимает, но не хочет провоцировать конфликт, боясь тебя потерять.

– Сомневаюсь.

– А Дима женат?

– Не знаю, – ответила Жанна. – Я вообще ничего о нем не знаю, даже фамилии или, например, сколько ему лет. У нас только секс.

Юля вздохнула.

– Это плохо закончится, – сказала она. – Извини, что каркаю. И никакие туфли тебя не обрадуют.

Жанна чихнула.

Марина зашла на работу без трех минут десять. Секретарша Анастасия сидела на своем месте и что-то быстро печатала. По ее напряженной и одновременно увлеченной позе Марина сразу заподозрила, что у Насти появился новый сердечный интерес.

– Аську выключи, – сказала Марина. – И сделай мне кофе.

Настя, испытывающая непреодолимое влечение к джинсам, свитерам мужского покроя и тяжелым ботинкам, вздрогнула и отключила все посторонние программы.

– Гардероб еще не сменила? – спросила Марина. – Не перешла на женственные платья, высокие каблуки, декольте и романтичные прически?

– Нет. Не хочу никого обманывать, – сказала Настя. – Я такая, какая есть.

– Это твое право, – сказала Марина. – Зависит от того, какие цели ты преследуешь. Согласна, некоторых восхищают люди, имеющие мужество делать то, что хотят они, а не то, чего ждут от них окружающие.

Из кофейного автомата в чашку полилась ароматная коричневая жидкость.

– Евгений на работе? – спросила Марина.

– Нет еще, – ответила Настя, опустив глаза, как будто она персонально несла ответственность за отсутствие Евгения.

Секунду спустя зам вбежал в офис.

– Вспотел? – спросила Марина.

– Доброе утро, – расплылся Евгений в улыбке. – Нет, я пользуюсь антиперспирантом. Чтобы клиентов не спугнуть.

– Что там пахучая квартира?

– Пока никак.

«Пахучим» называлось жилье, которое дважды заливали соседи сверху, после чего деревоплита под линолеумом зацвела и начала гнить, распространяя удушливую вонищу. Продать квартиру никак не удавалось. Марина не могла решить – сделать там ремонт, а потом продавать или продавать, как есть. Пока ее агентство пыталось продать, как есть. Но никто не покупал.

– Надо все оттуда на фиг снести и продавать голую квартиру, без полов, без стен, просто коробку, – сказал Евгений. – Ремонтировать дорого, да это и не наш профиль. А если там все сорвать и разломать, запаха не будет.

– Логично, молодец, – похвалила его Марина. – Действуй.

Евгений зарделся. Настя принесла Марине кофе. Офис постепенно заполнялся людьми.

– У меня на будущей неделе день рождения, – сказала Жанна, обнимая мужа. – Ты помнишь?

«Ни черта он не помнит. Никто меня на самом деле не любит», – подумала она.

– А что ты хочешь? – спросил муж, откинув голову.

Жанна смотрела в его голубые, почти прозрачные глаза и думала, что, несмотря на годы брака, Игорь оставался для нее закрытой книгой. Сейчас она ничего не могла прочитать по его лицу. Спокойное, расслабленное, доброжелательное, абсолютно ничего не выражающее.

«Ему просто все равно», – подумала Жанна.

– Я хочу красные босоножки и белые туфли на каблуке. Уже присмотрела. Ты ведь купишь, правда, дорогой?

Уголок рта Игоря дрогнул.

– Конечно, – сказал он после небольшой паузы. – О чем речь? Пойдем в магазин, покажешь мне, что хочешь.

– Завтра, – подмигнула ему Жанна. – У меня в семь концерт, а сразу же после…

– Хорошо, – кивнул Игорь, – когда выйдешь с работы, позвони, я подъеду, мы все тебе купим.

– Ты самый прекрасный муж! Я тебя очень люблю, – сказала Жанна, осыпая супруга поцелуями.

Игорь прикрыл глаза. Он знал, что чаще всего люди не могут оценить его эмоциональное состояние, но на всякий случай доступ к «зеркалу души» ограничил.

Дима шел по магазину совершенно по-хозяйски, как будто это был его собственный магазин, и при этом не смотрел по сторонам. Жанна шествовала рядом, гордо ступая на высоких каблуках.

– А почему ты себе никогда ничего не покупаешь? – спросила Жанна. – Ты даже не смотришь!

– Мне скучно, – пожал плечами Дима.

– А что тебе не скучно?

– Много чего.

– Ты, наверное, бандит.

– Я финансист.

«Так я и думала. Бухгалтер, типчик без воображения, ему бы только дебет с кредитом свести», – подумала Жанна, ощущая привычное раздражение.

Они подошли к бутику, куда стремилась Жанна. От калейдоскопа ярких цветов, рюшей, оборок, шифона, шлейфов и пайеток глаза ее загорелись, руки погрузились в шуршащие, скользкие, теплые, мягкие, колючие и жатые ткани. Дима зашел, обвел зал равнодушным взглядом и плюхнулся в кресло, затянутое тканью с рисунком «под леопарда». После чего он закрыл глаза и погрузился в дрему.

Жанна в нетерпении ощупывала платье за платьем. В груди поднималось чувство радости. За спиной, казалось, росли крылья. Белое кружевное платье, черное строгое стретчевое, изумрудное легкое с драпировками… Жанна забрала в примерочную половину бутика, но все было не то.

– Попробуйте вот это, – сказала консультант.

Жанна скользнула по ней взглядом, на секунду сфокусировав взгляд на светлой коже, бровях вразлет и волосах цвета воронова крыла. Парикмахер Жанны постоянно говорила ей, что черный цвет старит, но девушка была столь свежа и юна, что радикально черный цвет не портил, а лишь подчеркивал молочную белизну ее кожи и легчайший румянец.

– Попробуйте. Вам пойдет, – повторила консультант.

Жанна взяла в руки бирюзовое платье из шелка, невесомое, со шнуровкой на спине.

– Спасибо, – кивнула Жанна.

Консультант дружелюбно улыбнулась. Дима в леопардовом кресле, казалось, заснул – он сопел. Складывалось впечатление, что он вот-вот захрапит. Жанна мерила платье за платьем, но ей не потребовалось много времени, чтобы понять, что бирюзовое действительно сидит намного лучше, чем все остальные.

Марина слегка наклонилась вперед и сжала виски.

«Мариночка, никогда не трогай свое лицо руками. Это очень вредно», – все время повторяла ей косметолог.

На столе лежал лист бумаги со словами «Смерть близка». Марина была уверена, что записка попала к ней не просто так. Ей тридцать два года. У нее муж, риелторское агентство, две квартиры, загородный дом, дача в Крыму и полтора миллиона долларов на личном счету. Плюс красота и молодость. Марина привыкла к тому, что ей завидуют. Если бы они знали, что ей пришлось пережить для того, чтобы оказаться в выгодном и комфортном положении,

в котором она сейчас пребывала! Все это не свалилось с неба, а было результатом упорного труда.

«Смерть близка».

Люди, которые это писали, явно не знали, сколько раз за Маринину жизнь смерть была к ней близка. Но все же она пока жива.

Марина встала и прошлась по кабинету.

Конкуренты? Недовольные подчиненные? Кто-то из родных? Кредиторы? Сестра? Кто за ней следит?

Она покинула кабинет, вышла на улицу и отправилась к машине.

– Пообедаем? – спросила Жанна.

Дима кивнул.

– Почему ты никогда ничего не рассказываешь? – спросила Жанна. – Ну хоть что-нибудь рассказал бы.

Он взглянул на нее с удивлением.

– Например, что?

– Ну, допустим о работе.

– Не вижу смысла, – сказал Дима. – Я же тебя об опере не прошу рассказать.

Жанна оскорбилась:

– Ты считаешь меня дурой?

Дима не стал отвечать. Вместо этого он заказал себе пасту «Нептунито», хлеб «Фокаччо» и лосося на гриле. Жанна взяла зеленый чай.

– Я на диете, – сказала она, жеманно хлопая ресницами.

Дима кивнул. Жанна посмотрела на его толстые пальцы. Ей стало нехорошо, но потом она вспомнила о бирюзовом шелковом платье, и снова стало просто отлично.

– Ну, тогда что-нибудь о машинах, – попросила Жанна, отхлебывая безвкусную зеленую жижу, в которой плавали белые ошметки цветов. – У тебя же «Мерседес».

Дима устремил на нее взгляд. Впервые в его глазах мелькнули какие-то эмоции.

– Это уже третий, – сказал он, – первые два были той же модели и того же цвета.

«Зануда, – подумала Жанна, – хорошо, хоть не сообщил, что до меня у него были две девушки, как две капли похожие на меня».

– И что с ними? Ты их продал?

– Разбил. Оба всмятку.

– А ты? Не пострадал?

– В первый раз ничего, а во второй раз удар на часы пришелся.

«Были бы мозги, было бы сотрясение», – зло подумала Жанна.

– Ты превышал скорость? – спросила Жанна, демонстрируя эрудицию и знание правил дорожного движения.

– Да. Ехал сто тридцать семь километров в час в зоне, где максимум – сорок.

Жанна хихикнула.

– Ты такой смелый, – сказала Жанна, захлопав ресницами.

На лице Димы появилось утомленное выражение.

– Я больше так не делаю, – сказал он.

Жанна едва сдержалась, чтобы не зевнуть.

Сестра открыла дверь не сразу.

– Кто? – спросила она.

– Лена, это я, – отозвалась Марина.

Дверь открылась на две ладони. Посередине болталась толстая цепочка.

– Что? – спросила Лена.

– Открой.

Сестра распахнула дверь. На ней был мятый халат с пятнами кетчупа.

Марина вошла в прихожую.

– Чаем угостишь?

Елена кивнула.

В квартире было не убрано. Везде валялась одежда, на полу стояли грязные тарелки, по углам висела пыль и паутина.

– Почему ты не ищешь работу? – спросила Марина, стараясь не глядеть по сторонам.

– За гроши? – спросила Лена с вызовом.

– С чего-то надо начинать, – сказала Марина.

– Мне предлагают работу в супермаркете. Тебе не понять, – зло сказала Лена. – Я не хочу… без перспектив… с утра до вечера.

Марина молча села на стул. На спинке этого стула висела мятая одежда. Пахло чем-то немытым и нестираным.

– А это все почему? – спросила Марина, обводя взглядом бардак. – Ты же ничего не делаешь, на работу не ходишь, детей у тебя нет. Почему бы порядок не навести?

– Это мое личное дело! – процедила Лена. – Как хочу, так и живу. Тебя не касается. Я тебя в гости не звала. И вообще, не всем же жить во дворцах.

– Пойми, – сказала Марина, наклоняясь вперед, – я свои дворцы заработала. Я дневала и ночевала в своем первом казино. Я открыла бар и сама круглые сутки стояла за стойкой. Я выращивала лук. Я сделала ремонт в квартире и сдала ее, когда у меня был полнейший финансовый коллапс, а сама мерзла зимой на дачном участке в щитовом домике. В моем первом ресторане был пожар, все сгорело дотла, у меня по суду забрали помещение, которое я купила для магазина запчастей. Тебе ненамного меньше лет, чем было тогда мне, но ты сидишь, сидишь и жалуешься… Ты бы хоть пять процентов сделала от того, что провернула я.

– Не задирай нос, – сказала Лена, морщась. – У тебя был стартовый капитал.

– У меня ничего не было! Откуда? Мы же сестры! У нас все было одно и то же. Ты могла взять те же кредиты, что и я. А лук я выращивала вообще почти бесплатно, только за кусок земли!

– Тебе везло.

– Блин. Ты ничего не понимаешь. Сделай хоть что-нибудь. Пока ты будешь сидеть дома, точно ничего не произойдет. Езди. Общайся. Ищи друзей-бизнесменов. Читай книги о бизнесе, наконец. Неважно, что делать! Начни хоть с чего-нибудь. Голову, наконец, помой.

Марина сделала глубокий вдох и хлебнула чаю. Чай был отвратительным – вода из-под крана плюс пакетированная пыль. Не спасал даже сахар.

– Спасибо, – сказала Марина, отставляя чашку в сторону.

Она встала и ушла. Сестра проводила ее ненавидящим взглядом из-под жирной челки.

Марина толкала перед собой тележку.

– Туалетная бумага, – строго сказала она сама себе. – Туалетная бумага, и все! Ну, может, еще мыло.

Она прихватила с полки бутылочку жидкого мыла «Мед и молоко». Мягкое, матовое, оно нравилось Марине запахом и консистенцией. Затем в тележку отправилось несколько упаковок мыла марки «Чистая линия». Прозрачное, плотное, оно напоминало большие карамельки.

«Вообще-то он энтомолог, но с тех пор, как потерял очки, охотится на слонов», – вспомнила Марина старый анекдот.

Секунду спустя Марина подумала, что ей не помешал бы новый шампунь, мгновенно тающая маска для волос, бальзам и спрей, который наносится на влажные волосы и обеспечивает им впоследствии дополнительный блеск.

– Это все очень нужно, – убедительно сказала Марина вслух.

Цепкие пальчики схватили зубную пасту Colgate с экстрактом облепихи. Новая зубная паста была Марине совершенно ни к чему, и вообще она не пользовалась пастой Colgate, предпочитая Lacalut. Но упаковка с оранжевыми ягодами облепихи выглядела столь ярко и притягательно, что Марина решилась.

На следующей полке стояли ряды хорошеньких баночек с солью для ванн. Персиковая, хвойная, с чередой, с календулой, с лавандой, с ромашкой и еще чисто-белая – натуральная. Марина мгновенно представила, как это замечательно – лежать в ванне в теплой морской воде, вдыхать аромат соснового леса и читать какой-нибудь глянцевый журнал. Или женский детектив.

«Вечером так и сделаю», – решила Марина, складывая в тележку соль с хвоей и лавандой.

В голове была приятная легкость. Шопинг не всегда был любимым развлечением Марины, у нее случались и тяжелые времена – безденежье, одиночество, отчаянная борьба за бизнес.

Тем слаще ей сейчас.

– Почему ты покупаешь все в обычном супермаркете? Простенькое мыло, зубная паста, ты же можешь приобретать все самое дорогое, – иногда говорил Виталик.

– Непрактично, – пожимала плечами Марина. – Я обожаю хорошие вещи, но чувствую разницу между комфортом и качеством, а бессмысленно выбрасывать деньги на ветер не люблю. Я же их заработала, они мне потом и кровью дались, а не с неба свалились. Вспомни Сергея Брина, миллиардера, основателя компании Google. Заработал почти двадцать миллиардов долларов, а продолжал жить в съемной квартире и ездить на старенькой «Тойоте».

– На зубной пасте много не сэкономишь. Особенно если учесть твою страсть к платьям, золоту, бриллиантам и дорогим машинам, – пожал плечами Виталик.

– Легко сэкономишь, – не согласилась Марина, – именно такие мелочи съедают большую часть средств. Поверь мне.

В такие моменты она особенно остро и с сожалением чувствовала, что Виталик понимает ее не на сто процентов.

«Главное – любовь, – говорила себе Марина. – Он меня любит, это важнее всего».

– Дорогой, мне больше всего нравятся вот эти, – сказала Жанна, приторно улыбаясь и показывая на алые босоножки с плетеным ремешком и стальной пряжкой.

Игорь задумчиво смотрел на ряды обуви. В его высокой фигуре в черном пальто чудилось нечто демоническое.

– Примерь, – кивнул он.

Консультант на мгновение замешкалась, глядя на Жанну. Ей казалось, что у нее дежавю, но потом она потерла пальцем лоб и пошла за нужным размером.

– И еще вот эти, – Жанна тронула пальчиком белую лаковую туфлю с золотистой пряжкой.

– О’кей, нет проблем.

Жанна внутренне торжествовала. Она оглядела магазин, но шоколадных босоножек со стразами на каблуке не увидела. Раскупили.

«Ничего, пусть хотя бы белые и красные купит», – подумала она.

Консультант принесла две коробки, внутри которых в ворохе тонкой шуршащей бумаги пряталась обувь, приятно пахнущая кожей, слегка клеем и чуточку краской. Этот запах Жанна просто обожала.

– Прекрасно. Восхитительно. Я так о них мечтала! – приговаривала Жанна, примеряя алые босоножки и белые туфли.

– Я рад.

На лице Игоря появилось подобие улыбки.

– Ты не поверишь, дорогой, но я опять не купила туалетную бумагу, – сказала Марина.

– Не волнуйся, сейчас съезжу, – сказал Виталик. – И вообще, я мог бы ездить за покупками, а ты бы больше отдыхала.

Он отнес пакеты в холл и накинул куртку на широкие плечи.

– Я люблю делать покупки. Это для меня развлечение, – сказала Марина, сбрасывая туфли и утопая в мягком ворсистом ковре. – Только раз за разом забываю про туалетную бумагу.

– Девушка должна быть слегка легкомысленной, – сказал Виталик, выходя на лестничную площадку.

Марина подошла к окну и выглянула на улицу. Хлопнула дверь подъезда, ее муж направился к машине. Марина видела, как он открыл дверь, сел за руль, а потом снова вылез и взял какой-то лист, лежавший на лобовом стекле под «дворником». Марина видела, как он читал. Потом Виталик принялся вертеть лист, изучая его с разных сторон.

«Смерть близка»?

И Виталику тоже?

Муж пошел к мусорному баку, смял и выбросил бумажку.

– Перекрась мне ногти в глубокий винный цвет, почти черный такой, – сказала Жанна Юле.

– Давай что-нибудь другое, – покачала головой Юля, – а то получится цвет засохшей крови, а вовсе не винный.

Жанна растерялась.

– Давай тогда уж банальный розовый, – предложила Юля. – Или белый. Раз уж ты не хочешь ничего изобразить. Может, я все-таки нарисую тебе какую-нибудь картину? Ренуара? Мунка? Дали?

– Нет, ничего не надо, – ответила Жанна. – Может, чисто белый сделаем? Перламутровый?

– Можно слегка розоватый. Жемчужный, – предложила Юля.

– У меня будет бирюзовое платье. Легкое такое, шелковое, со шнуровкой на спине и двумя карманчиками впереди.

– Платье с карманами?

– Сейчас это последний писк моды, – кивнула Жанна. – Я видела в ELLE.

– Ну, если платье бирюзовое, то жемчужный цвет ногтей подойдет, – сказала Юля. – С бирюзовым будет красиво. А туфли какие?

– Белые лаковые.

Юля взяла руку Жанны и слегка помассировала.

– А куда ты идешь?

– На показ Вивьен Вествуд. Мне Дима достал приглашение. Вернее, не достал, а так… Ему дали, а ему ни к чему. Он мне и отдал.

– Он с тобой пойдет?

– Этот сухарь ничем, кроме своей работы, не интересуется. Конечно, не пойдет! И, в общем, хорошо, а то он не слишком красив, ты же знаешь.

Юля села рядом с Жанной на пуфик.

– Ты играешь с огнем.

– Игорь ни о чем не догадывается. Я убеждена. У меня на будущей неделе день рождения, так он мне купил красные босоножки, белые туфли и то платье бирюзовое. Стал бы он покупать, если бы хоть в чем-то меня подозревал?

– Это может закончиться в любой момент. Не думай, что ты самая умная.

Жанна раздраженно пожала плечами.

Виталик вернулся домой не в духе. В руках он держал пакет, а в пакете лежала туалетная бумага и ничего, кроме туалетной бумаги.

– Привет, – сказала Марина. – Я поражаюсь твоему умению сконцентрироваться только на том, что нужно. Я так не умею. Только не знаю, хорошо это или плохо.

– Хорошо, – ответил Виталик, пытаясь выдавить псевдоамериканскую улыбку. – Все, что ты делаешь, хорошо и правильно.

– Не улыбайся, – сказала Марина, – я же вижу, что ты нервничаешь. Скажи, а что было напечатано на листочке, который ты нашел под «дворником» на лобовом стекле своей машины?

– Э-э-э, – протянул муж, растерявшись.

– «Смерть близка»? – спросила Марина.

Виталик удивленно взглянул на нее.

– Это не мои шуточки, можешь на меня не смотреть, – сказала Марина, – просто мне такая же записка пришла.

Виталик сел на пуфик, стоящий в прихожей.

– Ну надо же, – сказал он. – И тебе тоже?

Он сморщился, лицо стало похожим на печеное яблоко.

– Ха-ха, – серьезно ответила Марина.

– Надо позвонить в милицию, – сказал Виталик, все еще сидя на пуфике.

Марина тоже села и положила ногу на ногу.

– Не паникуй, – сказала Марина. – Надо подумать, что бы это значило. Кому мы вдвоем можем мешать. Пока я не вижу в этом никакого смысла.

– Может, соседи? – неуверенно спросил Виталик. – Потому что ты регулярно занимаешь «Хаммером» два места? Или твоя сестра?

Марина задумалась.

– Я, возможно, глупость сейчас скажу, – произнес супруг, – но ее зависть к тебе переходит все границы. У тебя и бизнес, и муж, и красота, а у нее ничего.

– Я в свое время сделала большую ошибку, – сказала Марина. – Когда Лене было семнадцать и она не поступила в институт, я взяла ее на работу в свое первое казино. Кассиром. Она была на особом положении – еще бы, младшая сестра хозяйки. Деньги в карман рекой потекли. Потом казино у меня отобрали, мне пришлось бежать, сестра, разумеется, потеряла работу. И вот с этого момента Лена уже ничего не хочет делать. Она все время вспоминает: «Ах, как мне тогда было хорошо». Говорит: «Я не собираюсь работать за гроши» и прочую чушь. Но я ни секунды не верю, чтобы она подбрасывала нам с тобой записки или что она хочет моей смерти.

– Но смотри, – сказал Виталик, – если мы умрем, кому достанутся наши деньги?

– Наши родители разделят все между собой. Лена не получит ничего.

– Да, ты права, – сказал Виталик. – Кстати, ты проверяла, в прошлом месяце предкам деньги перевели?

– Звонила, они все получили.

– Если не соседи из-за «Хаммера» и не Лена, то я не знаю кто, – сказал супруг. – У меня вообще никаких идей. Предлагаю все же позвонить в милицию.

Виталик встал с пуфика и пошел на кухню.

Платье, на которое Марина положила глаз, было цвета пудры. Узкое, с вырезом-лодочкой и молнией на боку, оно предназначалось, чтобы обхватывать тело, как вторая кожа. Размер был меньше, чем нужно, но Марина углядела в этом не недостаток, а перспективы.

«Ничего, похудею, – подумала она. – Вот и стимул».

Сбросив одежду, Марина принялась натягивать платье.

– Выдыхай, дорогая, выдыхай, – подбадривала она саму себя.

Зазвонил телефон, который лежал в сумке, брошенной на пуфик в примерочной. Марина застыла с поднятыми вверх руками и затрепыхалась. Рукава платья болтались, как ушки у зайчика, и вся она была похожа сейчас на туго запеленутую личинку. Телефон все звонил. Марина повернула голову, и ее физиономия уперлась в расстегнутую молнию платья, которая в обычном состоянии должна была быть сбоку. Выглядывая в проем, как в окошко, и согнувшись в три погибели, Марина попыталась схватить молнию на сумке зубами и расстегнуть. Ушки-рукава свесились и болтались, как белый флаг при виде неприятеля.

– Смирительная рубашка, – сказала Марина сама себе, приняв решение платье не покупать, но не в силах из него выпутаться.

Телефон замолчал. Марина почувствовала, как по лицу стекают капли пота.

– Ну отпусти меня, а? – обратилась она к платью, которое крепко сжимало ее со всех сторон.

Оно, казалось, охватило еще плотнее, рукава крепко держали руки.

– Я знаю, ты в меня влюбилось. Стивен Кинг, блин, – сказала Марина.

Ткань, которая недавно ласково обнимала тело, теперь давила, врезаясь швами, и мешала дышать. Извернувшись, наконец Марина сбросила платье. По разгоряченному телу прошел легкий сквознячок. Девушка расстегнула сумку и вытащила наконец телефон.

– Я хочу сдать это и это, – сказала Жанна, положив на прилавок две коробки с обувью. – Не подошли по размеру.

В одной коробке лежали красные босоножки. Во второй – белые лаковые туфли.

– Чеки есть? – спросила кассирша, жестом подзывая продавщицу.

– Да.

Консультант подошла, взглянула на Жанну, потом на туфли и не удержалась от улыбки.

«Одну пару обуви ей покупает муж, вторую, точно такую же, – любовник. Затем она какую-то пару сдает и забирает себе деньги. Все гениальное просто. А уж если две пары хорошей обуви, то и деньги получаются неплохие», – подумала консультант, привычно заполняя нужные бумаги.

Жанна ждала, рассматривая перламутровые ногти. Вечером ее ждал показ Вивьен Вествуд.

Консультант подняла голову. В ее глазах Жанне почудилась насмешка.

По магазинам Виталик ходить любил. Он безошибочно находил в бутике одежды самую дорогую вещь, ему нравилось сминать ткань, ощущая фактуру. В обувных магазинах он рассматривал кожу, из которой были сделаны туфли, сапоги и ботинки, на предмет ее толщины, плотности и качества выделки.

– В корень зришь, – говорила мужу Марина.

– Да, – кивал Виталик. – По крайней мере, стараюсь.

Они шли по торговому центру. Белый мраморный пол сиял под яркими лампами, витрины отбрасывали блики, вообще все было чисто и ярко, как в операционной.

– Что ты хочешь купить? – спросила Марина.

– Пиджак, – ответил Виталик, – завтра к нам приедет вице-президент головной компании из Ирландии. Он, ходят слухи, любит зеленый цвет. А я хочу обратить на себя его внимание.

Маринины каблуки громко стучали, создавая эхо. В половине девятого вечера торговый центр выглядел совершенно безлюдным.

– Давай зайдем сюда, – вдруг сказал Виталик, останавливаясь. – Тут бывают неплохие платья. А я хочу тебе что-нибудь купить.

– С удовольствием, – сказала Марина. – Моя последняя попытка не удалась. А душа просит.

Они зашли. В бутике светил мягкий желтый свет – в отличие от голубовато-белого в коридорах. На прилавке лежало хорошенькое шелковое бирюзовое платье. Консультант – девушка со смоляными волосами и молочно-белой кожей – подняла голову, увидела Марину и расплылась в широкой улыбке.

– Здравствуйте.

Марина кивнула и обвела глазами бутик. Виталик посмотрел направо и налево, а потом прямо по центру, на бирюзовое платье.

– Шелк? – спросил он, делая шаг вперед.

– Да, – кивнула продавец. – Причем самого высокого качества. Только что девушка сдала – говорит, не садится по фигуре. Тут вот шнуровка на спине, на любой размер можно…

Виталик подошел, взял платье в руки и посмотрел ткань на свет, потом провел рукой.

– Да, шелк хороший, – сказал он.

– Блондинкам идет голубой, – сказала продавщица, глядя на Марину.

– Мариночка, примерь, – кивнул Виталик. – Думаю, тебе пойдет. Точнее, чувствую.

– Мне не нравятся кармашки впереди, – сказала Марина, – как-то странно. Я лучше померяю вот это черное в мелкий цветочек, вон то вишневое и, пожалуй, еще то, что висит у вас за спиной, цвета сливочного мороженого.

– Зря, кармашки – это пикантная деталь, сейчас очень модная, – сказала продавец.

– Их можно отпороть, – пожал плечами Виталик. – Примерь.

Марине платье не нравилось, но она взяла его и пошла в примерочную. Консультант с ворохом одежды стала у примерочной по стойке «смирно». Марина сбросила с себя все, оставшись в одном белье, и оглядела себя в зеркало.

Мышц почти не было видно. Марина вздохнула. А ведь еще с десяток лет тому назад она была тонкой, гибкой, сильной и меткой. На секунду перед ее внутренним взором мелькнула белая снежная трасса, лыжи, плечо ощутило тяжесть винтовки… Марина махнула головой и принялась надевать платье. Ласковый прохладный шелк охватил тело и гладко скользнул по коже. Сидело идеально. Марина провела руками по бокам, посмотрела, как красиво подчеркивается грудь, повернулась спиной, а потом сунула руки в карманчики.

Там что-то лежало.

«Только не „Смерть близка“,» – подумала Марина, холодея.

Но это оказалось всего лишь приглашение на показ Вивьен Вествуд.

Жанна бегала по квартире и пыталась найти приглашение. Она дважды перетряхнула сумку, трижды проверила все карманы и ящики, косметичку и страницы журналов.

Его нигде не было.

Бирюзовое платье висело на плечиках, белые туфли стояли в углу, вечерняя сумочка лежала на столе, сама Жанна благоухала духами Gucci Envy. Все готово, но приглашения нигде не было.

Отчаявшись и перевернув вверх дном всю квартиру, Жанна позвонила Диме.

– Димочка, – заплакала она в трубку, – я потеряла приглашение. То, что ты мне дал. На показ Вивьен Вествуд.

Еще семь минут понадобилось ей, чтобы объяснить, что за приглашение, потому что Дима давно о нем забыл. Он положил трубку, пообещал разобраться и перезвонил через пять минут, сообщив, что другого приглашения у него, конечно, нет, но ее имя внесли в список VIP-гостей.

Жанна тут же вытерла слезы и принялась прыгать по квартире, благодаря Диму и называя его «моим любименьким», но он тут же положил трубку.

В шесть Жанна принялась одеваться.

– А почему бы и нет? Съезди, развейся, – сказал Виталий.

– А ты?

– Я поработаю. У нас же завтра приезжает вице-президент из Ирландии.

Виталик махнул головой в сторону шкафа, где висел новый темно-зеленый пиджак, серый галстук в тонкую полоску и белоснежная рубашка.

– Может, меня повысят хотя бы до старшего менеджера, – вздохнул Виталик.

– Да ладно, – махнула рукой Марина, – я тебя все равно люблю, какую бы ты должность ни занимал.

Виталик промолчал. Марина подошла и поцеловала его в крепкое мускулистое плечо.

– Ты точно не хочешь съездить со мной? На показ Вивьен Вествуд? – спросила она.

Он покачал головой.

– Буду готовиться к завтрашней встрече. Английский вспомню, учебник по грамматике почитаю.

Марина надела бирюзовое платье, черные босоножки, слегка пригладила салонную прическу, пышную, с ровным пробором, придирчиво оценила свою кожу и красивые светлые глаза и вышла из дома. За ней тянулся шлейф духов La Perla.

Жанна, внесенная в список VIP-гостей, сидела в первом ряду. Показ ей нравился, хотя она и не была поклонницей хулиганской моды Вествуд. В частности, несколько лет назад Жанна пыталась купить юбку этого дизайнера, но невероятный косой крой, края, завязанные большим узлом, поразили ее воображение настолько, что Жанна так и не приобрела ни одной вещи.

Вокруг было много звезд, но Жанна не робела. Она, конечно, была не оперной солисткой, а всего лишь хористкой, но известных людей – в основном артистов и музыкантов – повидала предостаточно.

Справа от нее сидела главный редактор Marie Claire, слева – эстрадный певец, известный своей нетрадиционной сексуальной ориентацией. А напротив…

– О майн гот, – сказала Жанна по-немецки.

С другой стороны подиума, в третьем ряду, сидела девушка в точно таком же бирюзовом шелковом платье, что и на ней. Сердце у Жанны застучало быстро и мрачно.

«Ну все, конфуз, – подумала она, – откуда же оно у нее?»

Думать долго не пришлось: Жанна догадалась, где именно взяла гостья и платье, и приглашение.

«Лучше бы я завтра сдала его, – размышляла Жанна, – дернуло же меня двинуться в магазин именно сегодня утром».

Она присмотрелась – платье на девушке сидело как влитое. Секунду спустя обе женщины встретились взглядами. Все четыре глаза были полны досадой до краев.

По подиуму ходили модели, одетые в форму заключенных Гуантанамо, которых сменили девушки в замшевых костюмах с рваными краями, похожими на одежду неандертальцев. Но Жанна в основном смотрела на девушку напротив, а та – на нее.

«Ну вот, – думала Марина, – мало того, что у нас одинаковые платья, так еще и сидит она в первом ряду и ее лучше видно».

По подиуму прошла манекенщица в колготках, шортах хулиганской расцветки, больше похожих на трусы, черном топе, сером кардигане и с симпатичной сумочкой в руках. Сумка была сделана в виде мешочка, лежащего в корзине, и Марина вытянула шею, чтобы лучше видеть. Затем настал черед длинных платьев – самых неожиданных форм и расцветок.

«Красиво, елки-фиалки», – решила Марина, разглядывая платье желто-зеленого цвета, из-под которого виднелась розовенькая рогожка с рваным краем. Расцветка была просто колоссальной: сверху зеленые пятна, в середине – красные змейки, внизу – черные скарабеи, нарисованные вкривь и вкось.

Созерцание даже временно отвлекло Марину от мыслей о девушке напротив. В конце показа на сцену вышла сама старушка Вествуд под ручку с неприлично молодым мужем, и все утонуло в овациях.

– Вам положить креветок? – какой-то полный господин пытался ухаживать за Жанной.

Та благосклонно кивнула. Они с Мариной старались держаться в разных концах фуршетного зала, не выпуская друг друга из виду. Марина положила в свою тарелку пару ломтиков лосося и немного салата.

«Смерть близка», – вспомнилась ей фраза, напечатанная на листе бумаги. Марина огляделась. Зал был полон людей. Они переговаривались, перемещались с тарелками в руках, комментировали увиденное, планировали покупки. Вилки и ножи легонько позвякивали по фарфору, негромко играла музыка Sex Pistols – с помощью продюсера этой группы, отца ее сына, Вествуд открыла в свое время первый магазин. Марине становилось неуютно. Она незаметно встала на цыпочки, ощутив мышцы на ногах, потом напрягла руки, слегка подвигала шеей. Все это происходило рефлекторно, помимо сознания. Интуиция подсказывала: надо готовиться к бою – или к побегу.

У Марины в сумочке зазвонил телефон, но она не стала брать трубку, вместо этого отошла в затемненный угол и прислонилась к стене.

Как жаль, что в руках у нее нет винтовки и она не на лыжах.

Девушка в таком же, как у Марины, платье разговаривала с невысоким и полным господином, держа в руках тарелку. В открытую дверь зала вошел курьер с прекрасной розой в руках, перевитой красной лентой. Галантно поклонившись, он протянул розу девушке.

Жанне полный господин давно наскучил. Ей хотелось есть, а не разговаривать. К тому же она обратила внимание на высокого и мускулистого парня и планировала познакомиться с ним поближе, но тюфячок не отставал.

– Хотите анекдот? – болтал он. – Журналист в Нью-Йорке идет по Манхэттену и видит мужчину, который стоит, смотрит на небоскреб и курит. «Сколько лет вы курите?» – спрашивает он мужчину. «Да уже почти тридцать, по пачке в день. А когда нервничаю, и полторы». Тогда журналист достает калькулятор: «А вы знаете, что если бы не курили, то смогли бы за тридцать лет сэкономить достаточно денег, чтобы купить вот этот небоскреб?» Мужчина выбросил сигарету и повернулся к журналисту: «Вы курите?» – «Нет». – «А небоскреб у вас есть?» – «Нету». – «А у меня есть».

Полный господин громко захохотал. Жанна вежливо улыбнулась.

– Хотите еще один? «В далекий аул приезжает журналист, чтобы взять интервью у долгожителя. Видит дряхлого деда, который с трудом идет по дороге в сопровождении двух красоток и тащит в руках бутыль вина. „Расскажите о своем образе жизни“, – пристал к нему журналист. „Да как… утром просыпаюсь, выпиваю бутылку пива, потом до обеда занимаюсь сексом, потом во время обеда хорошо наедаюсь, выкуриваю пару трубочек, потом снова до ужина занимаюсь сексом, вечером выпиваю бутыль вина и до утра опять занимаюсь сексом“. Журналист снимает шляпу: „Вот это да! А сколько же вам лет, дедушка?“ – „Через месяц будет тридцать пять“.»

Жанна улыбнулась и съела креветку. Красавчик, на которого она положила глаз, переместился к десертам и завязал разговор с коротко стриженной брюнеткой в сером платье до колен, открывающем плотные икры.

В зал вошел курьер с розой. Толстая, длинная, с большим цветком, она дышала свежестью. Сверху донизу роза была перевита красной лентой.

– Красивая, – сказал толстячок.

– Да, – искренне согласилась с ним Жанна. – Очень.

Курьер приблизился к Жанне и протянул ей розу.

– Ой, – сказала Жанна, когда роза оказалась у нее в руках.

Острый шип проколол кожу на пальце. На руке медленно наливалась кровью большая алая капля.

– Как жаль! Я сейчас дам вам салфетку, – сказал тюфячок.

Жанна промокнула кровь и залюбовалась цветком, несмотря на боль в пальце. Никаких карточек или открыток к ней приложено не было.

Телефон в сумочке Марины звонил еще и еще. Наконец она взяла трубку.

– Марина Владимировна? – спросил чей-то голос. – Это вас беспокоят из больницы. У нас в реанимации находится Виталий Генкин… двадцать вторая палата.

Сердце ухнуло куда-то вниз, замерло, потом снова застучало.

– Что с ним? – спросила Марина.

Паники не было. Раз в реанимации – значит, жив.

– ДТП, – сказала трубка. – Состояние средней тяжести.

Марина пошла к выходу, и в этот момент девушка, одетая в такое же платье, пошатнулась и схватилась за сердце. Роза выпала из ее рук.

– Воды! – закричал кто-то.

Девушку подхватили на руки, потом уложили на ковер. Кто-то наступил на розу, она осталась лежать под ногами. Кто-то лил воду.

– Обморок? Тут очень душно, я же говорила, – сказала пожилая дама с крючковатым носом.

На девушку брызгали. Ее подняли на руки и отнесли на диванчик. На спине ослабили шнуровку. По прекрасному молодому телу пробежала судорога.

– Нужен врач, – сказала женщина с решительным лицом, – это не просто обморок. Я медсестра по первому образованию, мне симптомы не нравятся.

Кто-то принялся звонить в «Скорую». Люди шептались и толпились. Марина вытащила из крошечной сумочки платок, обернула, подняла розу и вышла. На нее никто не смотрел.

Виталик лежал под капельницей. На лице расплывались чудовищные синяки.

– Жить будет, – сказал врач. – Вывихнуто запястье и сломано ребро. Молодой здоровый мужчина. Поправится.

– Мне нравится ваш оптимизм, – сказала Марина.

Она посмотрела на руки травматолога. Почему-то именно у травматологов и хирургов руки самые красивые, всегда сухие и теплые, с гибкими и сильными пальцами.

– Оптимизм? – переспросил врач. – Нет. Всего лишь опыт.

– А ребро тем не менее болит, – подал голос Виталик. – Хоть не дыши.

– Ну а чего вы хотели? Конечно, болит, – сказал врач. – Вы же живой.

Врач вышел.

– А вот и «смерть близка», – сказала Марина, когда дверь закрылась.

– Да, – кивнул Виталик, поморщившись. – Поговорила бы ты со своей сестрой.

– Я не думаю, что это она.

– А я думаю. И пока ты не будешь думать, она нас укокошит.

– Она даже не наследница! У нее вообще мотивов никаких. Это абсурд – предполагать, что моя сестра, которая даже на работу не может устроиться, способна организовать убийство. Нет, это кто-то куда более… более…

– Умный?

– Опытный.

– У нее могут быть скрытые таланты, – не согласился Виталик. – А что до мотива, так, может, она надеется, что, отправив на тот свет нас, автоматически отошлет туда же и безутешных родителей.

– Виталик, – сказала Марина, – как ты можешь такое предполагать? У меня хорошая сестра. Кстати… на меня сегодня тоже покушались. Пострадала незнакомая девушка в таком же платье. Мы оказались в одном и том же месте в одной и той же одежде. Представляешь – две блондинки в одинаковых бирюзовых платьях? Надо же такому случиться. Курьер принес ей розу. Она взяла цветок и через минуту упала в обморок. Я не уверена, что именно из-за этого, но на всякий случай розу взяла с собой…

– Ты ее хоть не нюхала? – воскликнул Виталик.

– Не нюхала и не касалась. Завернула в платок и по дороге сюда завезла знакомым криминалистам, – ответила Марина. – Я вообще не уверена, что девушке не стало плохо… просто так. Приступ панкреатита там, аппендицита или чего-то еще. Кроме того, может оказаться, что ее отравили. Едой, например. Я бы в жизни не подумала, что это как-то связано с нами, если бы не эти записки «Смерть близка» и не одинаковые платья.

– То есть покушались на тебя, а случайно досталось ей. Особенно если учесть, что одновременно с этим меня сбила машина.

Виталик застонал, поморщился и несколько секунд хватал ртом воздух, восстанавливая дыхание.

– Да-да, – сказала Марина, – согласись, что в этой истории кое-что смущает. Таких совпадений не бывает.

– Меня в этой истории все смущает, – сказал Виталик, наконец закрыв рот.

– Тем не менее совершенно непонятно, как кто-то узнал, что я буду на показе? Это же случайность! Я просто нашла в кармане приглашение… все произошло спонтанно.

– Думаю, единственное, что в этой истории случайно, – это платье, – сказал Виталик. – Тебе ужасно повезло, что у нее оказалось такое же, как ни цинично это звучит. А что касается того, откуда кто-то узнал, что ты едешь на показ, так это элементарно. За нами следят. Спроси еще, как тот, кто меня сбил, узнал, что я собираюсь в булочную за пончиками.

Супруги синхронно посмотрели на дверь палаты.

– Я хочу узнать, что с той девушкой, – сказала Марина. – Я не дождалась «Скорой». Мне же позвонили из больницы, и я бросилась сюда, к тебе. Только розу злополучную завезла в лабораторию к сыну Олега Олеговича. На всякий случай.

Повисла длинная пауза.

– Думаю, – сказал Виталик, наконец определившись, – отсюда надо срочно сматываться. Мы под колпаком. Через полчаса мне вольют в капельницу не то, что надо, и поминай как звали.

Он попытался встать.

– Я хочу знать, кто это сделал, – сказал он. – У меня такое чувство, будто бы я в темноте и вокруг бродят волки.

– Понимаю, – сказала Марина.

– Я верю, что женщина, заработавшая полтора миллиона, что-нибудь да придумает, – сказал Виталик. – Но для меня разгадка очевидна. Это твоя сестра.

На следующее утро, оставив в палате у Виталика директора службы безопасности своей компании, Марина плотно зависла на телефоне.

– Марина Владимировна, – сказала в трубку Ульяна, ранее работавшая у Марины офис-менеджером, а ныне подвизавшаяся на административной должности в модной индустрии. – Вы, наверное, уже знаете. Та девушка умерла. У нее сердце остановилось. Мы все тут в ужасе, все девчонки. Ее даже до больницы не довезли.

– Елки-фиалки, – сказала Марина, положила трубку и позвонила сыну Олега Олеговича по имени Миша: ему в криминалистическую лабораторию она передала розу.

– На шипах была цикута, – сказал ей Миша. – Укол, яд попал в кровь, девушка скончалась. Я могу познакомить вас со следователем, тут уголовное дело возбудили. Вы передали нам вещественное доказательство, вы свидетель, так что он в вас обеими руками вцепится.

– Это все потом, – сказала Марина. – Выясни мне ее имя, отчество и адрес. Я хочу побеседовать с ее родными, денег им передать.

…Марина сидела в кафе. Она откинулась на спинку кожаного диванчика и задумалась. В помещении витал запах крепкого кофе, сливок и шоколада.

В то, что ее сестра может быть виновной, она не верила. В то же время у сестры вполне могут обнаружиться ненадежные друзья, наслушавшиеся рассказов Лены о якобы сказочном богатстве сестрицы. Утечек информации Марина боялась, и в этом смысле Лене, к сожалению, не доверяла.

Марина скрипнула зубами. Мысли о сестре вызывали у нее боль в челюстях.

– Ну, ограбили бы. Зачем записки? Зачем пытаться убить обоих?

Виталик вообще не имел почти ничего. Наемный менеджер, обычный трудяга. Когда он познакомился с Мариной, у него была машина, взятая в кредит, и однокомнатная квартира, также взятая в кредит. По среднероссийским меркам, он был вполне неплох и «с перспективами». По меркам Марины – абсолютно нищ. Он комплексовал и пытался платить за Марину в кафе. Марина оценила его усилия и стремление оставаться мужчиной.

В ее компании Виталик работать не захотел, продолжая делать карьеру в своей области, где трудился рядовым менеджером по продажам. Это Марина тоже оценила. Предложение она сделала ему сама, Виталик бы не решился, не считая себя достойным. Три с половиной года назад Виталий Генкин стал ее третьим мужем.

Так зачем убивать обоих?

Сидя в кафе и вдыхая бодрящий запах, Марина сопоставляла факты. Две записки одинакового содержания. Два покушения почти в одно и то же время. Виталик в больнице, неизвестная девушка в морге.

Евгений, ее зам? Кто-то на работе? Конкуренты? Что-то из прошлого? Первый муж? Второй? Бывшие мужья объединились и решили убить третьего? У Марины бурная жизнь, разные типы бизнеса, случался дележ денег, несколько раз в нее стреляли, она скрывалась, были периоды, когда жила в разных городах, без гроша в кармане…

Нет, не то. Все не то. Марина думала так напряженно, что заболела голова, но не видела ни одной лазейки. В голову ей не приходило ни одной идеи. Очень неприятно.

Телефон зазвонил.

– Марина Владимировна, пол отодрали, там все сгнило, и мышь дохлая валялась, – сообщил Евгений.

– Молодцы, – ответила Марина заму. – Продолжайте в том же духе.

Телефон зазвонил снова.

– Марина Владимировна, девушку звали Жанна Богдановна Сергиенко, – сказал Миша. – Она певица, пела в хоре. Двадцать восемь лет. Записывайте домашний адрес.

«Бедняжка», – подумала Марина.

Оперная певица, двадцать восемь лет, вся жизнь впереди. Марина скрипнула зубами и глубоко вздохнула, пытаясь унять злость.

– Записываю, – сказала она.

Ручка заскользила по матовой бумаге ежедневника. Она только-только отключила связь, когда телефон зазвонил опять.

– Марина Владимировна, – сказал в трубку бархатный мужской голос, – меня зовут Дмитрий. Я любовник покойной Жанны Сергиенко. Я хочу с вами поговорить.

Марина назвала адрес кафе.

Они смотрели друг на друга, как звери из одной стаи.

– Дмитрий, – сказал Дима.

– Марина, – сказала Марина. – Вы были любовником Жанны?

– Именно, – кивнул он, – и я пришел спросить вас, что это за история с платьями. На самом деле это чистая формальность, я знаю, кто ее убил. Во всяком случае, подозреваю. Тем не менее меня волнует этот момент. Почему одинаковые платья? И почему в тот момент, когда принесли розу, вы спрятались в тень?

Марине было совершенно неинтересно, как он все это выяснил. Зверям из одной стаи такие подробности ни к чему.

– Вы ошибаетесь, – сказала она, – полагая, что знаете, кто убийца Жанны. Потому что на самом деле убить хотели меня. Я получала письма с угрозами, и мой муж тоже. В день, когда Жанне доставили розу, на моего супруга было совершено покушение – его сбила машина.

Дима отхлебнул кофе. Он был невысок, лыс и некрасив. Но у него были умные карие глаза. Даже слишком умные. И Марина почувствовала, как напряжение отпускает ее. Потому что вплоть до этого момента она думала обо всем одна. Виталик был отличным парнем, но… С Димой разговаривать одно удовольствие, как ситуация ни ужасна. Потому что они говорили на одном языке.

– Машину нашли? Ту, что сбила вашего мужа? – спросил Дима.

– Куда там. Свидетелей нет, было темно, грязная старая «копейка»… Шансов нет. Я даже не пытаюсь ее искать. Вопрос не в этом. Вопрос – кто? И почему.

– Жанну убил ее муж. Вы тут ни при чем. Покушение на вашего мужа не имеет никакого отношения к смерти Жанны.

Марина молча смотрела на Диму. Ее бровь изогнулась.

– Смотри. – Он слегка наклонился вперед, легко переходя на «ты». – Я был любовником Жанны. У нее имелся муж, звукорежиссер, довольно талантливый парень. Жанна водила его за нос. До некоторого момента я даже не знал о его существовании. Потом узнал. Жанна была уверена, что он не в курсе ее отношений со мной. Но я специально съездил и посмотрел сегодня утром на этого несчастного вдовца. В свое время Жанна хотела, чтобы я купил ей обувь, мы поехали в магазин, она выбирала туфли, а я сидел и говорил по телефону с парт-

нером. И этот парень стоял и смотрел на Жанну сквозь витрину. Его видел мой охранник. Самое интересное, что я тоже его засек, но не знал, кто это. Он все знал. А вы знаете, на что способны мужья, которым изменяют жены? Хотите анекдот? «Василий, что бы ты сделал, если бы узнал, что жена тебе изменяет?» – «Я бы ее реабилитировал. Посмертно».

Марина смотрела на него.

– А он, муж Жанны, тебя узнал? Сегодня утром?

– Натурально. И охранника моего тоже.

– И что? Испугался?

– Ни разу, – покачал головой Дима. – Спокоен, как памятник. А ведь его посадят. Я посажу. Уже бы посадил, если бы не знал о девушке в таком же платье, которая спряталась в тень. Угрозы, говоришь, поступали?

– Да, – сказала Марина. – Там было написано «Смерть близка».

– Интересно, – сказал Дима.

– Да. Мне тоже.

– Источник угроз?

– Не знаю, – покачала головой Марина и опустила глаза. – Я была уверена, что это меня пытались убить на фуршете. Но случайно досталось Жанне. Потому что не бывает таких совпадений. В тот же день, в то же самое время моего мужа сбила машина. Пойми. Дело не в ней.

– У тебя муж идиот? – вдруг спросил Дима.

– С чего ты взял? Он… обыкновенный человек. Убивать его не за что. Меня – есть за что.

– Пойдем искать курьера, – сказал Дима.

Марина встала. Дима бросил на стол крупную купюру.

– Поедем на моей машине, – сказал он. – Если на тебя покушаются, тебя надо защищать. Охрану же небось мужу оставила.

На улице моросил дождь.

Юля плакала, размазывая по лицу слезы. Глаза у нее были вспухшими, розовые белки пересекали красные прожилки.

– Я ей давно говорила. Я ей давно говорила! Давно. А она всех вокруг считала дураками. Я уверена, что ее муж все знал.

– Что все? – спросила Марина.

– Ну, и про любовника. И про то, что она его подарки назад в магазин сдает. Она же требовала и от него, и от вас… вот, – Юля посмотрела на Диму, – одинаковых подарков. А потом один из них возвращала в магазин назад, а деньги забирала.

На ногтях у Юли были нарисованы какие-то абстрактные картины.

– Кандинский? – спросил Дима, внезапно меняя тему.

– Малевич, скорее, – подхватила Марина.

– Поздний Монтиньяк, – подсказала Юля не без гордости и снова закрыла лицо руками.

– Вы думаете, ее убил муж? – спросила Марина, возвращаясь к теме разговора.

– Не знаю. Муж ее любил.

– Одно другому не мешает, – сказал Дима. – Я бы даже сказал, что в данной ситуации – способствует.

– Это точно, – подтвердила Марина. – И повышает вероятность, что убийца – именно он.

– Несомненно, – подтвердил Дима.

Юля снова принялась рыдать.

Они быстро ели, сидя напротив друга друга.

– Нам нужен курьер, – сказал Дима. – Я уже дал своим задание его найти. Как найдут, позвонят. Мы можем подозревать кого угодно, но нужны факты.

– Нам нужно понимание, – не согласилась Марина. – Общей логики. А не факты.

– Факты помогают выстроить схему, – сказал Дима, – чем больше фактов, тем легче понять генеральные закономерности. А если говорить простым русским языком, без занудства, то я убежден, что именно муж Жанны – заказчик убийства. Курьер не промахнулся, – сказал Дима. – А эти бумажки с угрозами, что поступают в вашу семью, это ваше внутреннее дело.

– Согласись, Дима, – сказала Марина, – что в наши времена из-за ревности убивают редко. Отелло перевелись. Развестись – это пожалуйста. Тоже завести любовницу – опять-таки пожалуйста. Когда-то, когда разводы были запрещены, единственной возможностью избавиться от надоевшего супруга было убийство. Но сейчас-то, к счастью, у нас в этом вопросе полная свобода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.